

МОИ ЛЮБИМЫИ

ДОКТОР

То Бью

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ДАРЬЯ ВОЗНЕСЕНСКАЯ

Дарья Вознесенская

Мой любимый доктор по вызову

«Автор»

2023

Вознесенская Д.

Мой любимый доктор по вызову / Д. Вознесенская — «Автор»,
2023

Офигенный день рождения! Одна, в роскошном отеле, с шампанским. И подругами, которые орут в три глотки по телефону:- С днем рождения-я! Можешь открыть подарок. Скидываю крышку с коробки, которую доставили пару часов назад. И недоуменно смотрю внутрь: наручники, лента презервативов, какие-то тюбики...- Это что? - спрашиваю растерянно.- Это еще не все, - сообщает Натали, - Вторая часть подарка поступит к тебе в дверь.- Так уже... - еще больше теряюсь, потому что и правда стучат.- Какой шустрый! - восхищается подруга.- Его зовут Демид, - заговорщицки шепчет вторая.- Вы мне... эскортника прислали? - не могу поверить я.- Доктора! - хохочет третья идиотка, - Пусть вылечит твою... Последнее слово я не слышу. Отключаюсь и иду к двери. Послать того, кто там, подальше!

© Вознесенская Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Здесь главное начать, главное начать, хоть что-то отмечать!	5
ввв ленинград. спб точка ру	7
В Питере пить	9
Главное в жизни – определиться, где твоё место и что ты за птица	11
Горит пожар моей души. Достань брандспойт и потуши	14
Можно жить так, но лучше ускориться	16
Растворился я в тебе, как в океане море	20
Пизже, чем в Париже, чем в Париже – пизже	22
Еду и рулю, в Питере температура близится к нулю, но я протестная натура	24
А я тут перед вами, кривляюсь и танцую	26
На лабутенах, нах...	28
И в офигительных штанах	30
Там было телок много – и нервы как канат	32
Но я не недотрога	34
Мой приемник – односторонняя связь, тире и точки – арабская вязь	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дарья Вознесенская

Мой любимый доктор по вызову

Здесь главное начать, главное начать, хоть что-то отмечать!

Я бы не вляпалась в эту историю, если бы не мои ненормальные подруги.

Хотя что уж на них спирать. Я тоже не до конца нормальная, раз решила на эту авантюру. Нет, не в смысле в Питер поехать одной. В Питере можно просто пить и часами бродить по Эрмитажу.

Но я же не этим занялась... Как они сумели в тот вечер взять с меня обещание? А потом и провернули это все?

Началось с Олиного вопроса:

– Ты уже придумала, как будешь праздновать день рождения? Через неделю же.

– Его ж не празднуют, – говорю с сомнением, вынырнув из собственных мыслей.

– А тебе сорок? – поперхивается вином Олька.

– Вроде нет... Но и до тридцати едва доживаю, лучше не привлекать внимание этой, с косою. – отмахиваюсь.

Что-то меня эта неделя добила, раз такие идиотские мысли.

– Ты говоришь так, будто тридцатник – приговор, – закатывает глаза Мариша и аккуратно отпивает мерзкого вида зеленое пойло. Ее одержимость здоровым образом жизни откровенно пугает. С другой стороны она на пять лет меня старше, а выглядит даже лучше. Может и мне пора переходить с игристого на сельдереевое?

– Значит буду праздновать, – улыбаюсь подругам. Широкая у меня улыбка, сияющая. Даже не хочу вспоминать, сколько я на нее потратила. Блин. Зачем вспомнила? Скипаю, – Вот как приду с работы, как переоденусь... в пижаму и завалюсь спать в восемь вечера! Роскошный же план?

– План ужасный, – морщится Натали. Вообще она Наташка, конечно. Из хрен пойми какой области – не любит говорить. Но она тот самый селф – мейд – потому Натали. И выглядит соответственно. Вложила не только в зубы, но и в сиськи, а все остальное вылепила в спортзале и у косметологов. Острая на язык, не обременена детьми или строгими моральными установками. Короче, берет от жизни все и не заморачивается. Так что несмотря на серьезную должность, мужики ее обожают, – Выморозишь так всю спальню.

– Чем? – не понимаю.

– Своей скованной льдом вагиной, – сообщает совершенно серьезно и теперь уже мы все прыскаем, а потом заходимся хохотом. – Ника, ну вот правда. Что за фигня у тебя последнее время происходит? Ты классная девка, я тебя сама хочу, когда приводишь себя в порядок, но где твой задор? Желание напиться в хлам и танцевать всю ночь? Очередь из мужиков с цветами и намерением тебя трахнуть?

– Меня и без того отлично трахает моя работа, мои клиенты и мой бывший муж, – бурчу.

– В прямом смысле? – оживляется Олька.

– В переносном! – гаркаю, – Вы же знаете моего бывшего, серьезно думаете, я могу иметь с ним что-то общее кроме дочки и контакта в телефоне "не бери трубку"?!

– Дочка у тебя замечательная! – успокаивающе гладит меня по руке Мариша, пока я соплю и морщу нос.

Полинка замечательная. Лучшая.

Каждый раз, когда мне хочется переломать кости бывшему, я вспоминаю, что именно благодаря его телодвижениям у меня появилась моя пре-елесть. Мелкая, конопатая, веселая, с вечно драными коленками прелесть. И сразу желание прибить проходит.

– Вот с Полиной и отпразднуем, – радуюсь отличному выходу из положения. Ну не хочу я вечеринку. И даже в ресторан не хочу. Я решила, что теперь лютей интроверт. – Блин, не отпразднуем. Весенние каникулы же... мою первоклашку Петины родители на Байкал ташат.

– Там лед такой... – расплывается Мариша, – Скоро во всех Инстаграмах страны. Тебе бы тоже пошло лежать в одном купальнике и унтах...

– Я такой фигней не страдаю, – передергиваюсь. – И нам с бывшими свекрами на одном льду делать нечего. Кто-то нечаянно примерзнет.

– Может сгонять в Турцию?

– Море без ребенка? У нее руки тоненькие, но удавит.

– Новый ресторан? Говорят открылся...

– Мне худеть надо, а не бегать по ресторанам.

– У тебя соберемся?

– Соседи еще от последнего раза не отошли.

– Это было три года назад!

– Но вас до сих пор вспоминают.

– Тихо! – вдруг уверенно говорит Натали и смотрит на меня своими почти прозрачными глазами. Капец. Меня этот ее взгляд пугает, – Я знаю, что надо делать.

А вот это пугает еще больше...

ВВВ ленинград. спб точка ру

Питер встречает меня пронизывающим ветром и неожиданно минусовой температурой. В очередной раз думаю, что я полная идиотка. Дура дурой! Поддалась на уговоры девчонок, поверила Наташкиному уверенному «я знаю, как будет хорошо», взяла выходной, лишив себя хотя бы одного букета цветов – от коллектива. Купила, блин, билет на самый ранний Сапсан, нагуляться ведь хочется, не выспалась при этом...

Чтобы что?

Вымерзнуть нафиг только-только сойдя с поезда? Найдут меня, глянут в паспорт и как начнут причитать, что вот невезуха, в свой же день рождения...

Настроение портится.

Впрочем, оно и было так себе. Где-то я читала, что накануне дня рождения у всех идет перестройка психики. Мы вспоминаем, что смертны или что-то в этом духе. А еще вспоминаем, что к тридцати ни хрена не достигли запланированного в двадцать. Вот где моя счастливая семейная жизнь и пятеро детей? Где роскошный дом? Путешествия за границу каждый месяц? Супер-карьера?

У вопроса «Где» есть отличный ответ из одного слова. Рифмуется.

Я дрожу и матерюсь, тыча в приложение такси, матерюсь, вспоминая, во сколько мне обошлись двое суток в роскошном отеле – я в таких никогда не останавливалась, вот не надо было и начинать! Матерюсь, успев обморозить даже коленки, даже под пальто пока захожу, залетаю в услужливо открытую дверь. Замираю в роскошном холле, пытаюсь проморгаться от выступивших слез...

– О, у вас день рождения! – сияет улыбкой администратор, взяв мои документы. – И вам повезло – мы можем устроить вас в номер прямо сейчас, не дожидаясь времени заселения!

– Дивно, – говорю сквозь стиснутые зубы.

– И вы еще можете позавтракать, – кивает он в сторону ресторана, – На завтраке у нас подают не только кофе, но и игристое.

– Просто мечта, – продолжаю быть стервой.

– И даже целую бутылку, – бормочет.

То, что номер тоже роскошный, еще и легко выигрывает номинацию «лучший вид из окна» не помогает. Мне уже не нравится. Всё. Что я одна в такой день, хоть в отеле куча народу – проходит какая-то конференция. Что погода настолько мерзкая – и о моих планах гулять по улицам до гудящих ног можно забыть. Что я зачем-то притащила совсем неуместные вечерние наряды, в которых никуда не собираюсь. Хотя надо было взять пижаму и шерстяные носки. И много носовых платков. Спрятаться в домике из одеяла и рыдать.

Что я все-таки выгребаясь из отеля, голодная и злая, и мне подают отвратный кофе в кофейне за углом, и надо было пойти не в разрекламированный Главный Штаб Эрмитажа, а...

Свет, воздух и прозрачные лестницы. Невероятная архитектура, дополненная современными конструкциями из стекла. Полотна импрессионистов. И снова много-много света...

Меня отпускает так внезапно, что я еще какое-то время звон в ушах слышу. И верчу головой – точно отпустило? Точно-точно?

Великая сила искусства.

Я снова начинаю дышать. Чувствовать красоту вокруг. Как пьяная брожу среди полотен. Улыбаюсь. И на улице теплеет. И небо становится прозрачным – ненадолго, перед тем как станет сумеречным, а потом и темным – но все же... Все же хорошо!

И хорошо, что работают магазины. И прекрасно, что маленьком ресторанчике с израильской кухней есть место за стойкой, а меню делится на «в пите» и не «в пите», и туда положат хоть авокадо, хоть рыбу, и нальют вина...

В отель я возвращаюсь на гудящих ногах, с широкой улыбкой и пакетом с шелковой пижамой.

А в номере ждет сюрприз – коробка с пометкой «не открывать, пока не позвоним» – от девчонок, букет цветов от них же и шампанское с клубникой от отеля.

Я долго-долго стою в горячем душе, переодеваюсь в новую пижаму и открываю бутылку.

– С днем рождения, детка, – чокаюсь со своим отражением в зеркале. Кусаю сладкую ягоду, и, недолго думаю, вымазываю ею чистое лицо вместо маски. Пусть освежает.

Наливаю себе полный бокал, счастливо жмурясь, вытягиваюсь на кровати. Это все-таки была отличная идея. Просто офигенный день рождения! Одна, в роскошном отеле, с бокалом шампанского...

Даже неожиданный звонок и одновременный стук в дверь нестораживают.

– С днем рождения-яя! – орут в три голоса мои подруги в телефон. Похоже, они там в Москве тоже празднуют. – Все, можешь открывать подарок!

Смеюсь. Убираю крышку с коробки. И с недоумением смотрю на довольно странный набор внутри. Наручники, целая лента презервативов, какие-то тюбики...

– Это что? – спрашиваю растерянно.

– Это еще не все! – сообщает довольная чем-то Натали, – Вторая часть подарка поступит к тебе в дверь.

– Так уже... – еще больше теряюсь, потому что и правда стучат. Настойчиво.

– Какой шустрый! – восхищается подруга.

– Его зовут Демид, – заговорщицки шепчет вторая.

– Вы мне что... эскортника прислали? – не могу поверить я.

– Доктора, – хохочет третья идиотка, – Пусть вылечит твою...

Последнего слова не слышно, потому что я отключаюсь и решительно иду к двери.

Послать того, кто там стоит – подальше!

В Питере пить

Демид

На конференцию я приехал не зря.

И даже не в том смысле, что не приехать я сюда не мог – хотя бы раз в год надо выбираться, чтобы помериться размерами своего... хм, скальпеля. С другими сравнить. Убедиться, что у меня все отлично, даже лучше большинства.

Но на этом сборище мне удалось переговорить с представителями нескольких крупных клиник – а такими связями не разбрасываются, даже если ты до хрена именитый и очередь у тебя на полгода вперед. А еще организаторы сделали более чем годный контент и спикеров на этот раз.

Ну и отель... «Гранд-отель Мойка 22», который они переименовали из старого доброго «Кемпински» все еще не растерял европейский лоск. Вкусно, красиво, удобно, организация отличная – я доволен.

Как и тем, что сегодня последний день.

– «В Питере – пить», – подмигивает мне Илья, необъятных размеров коллега, с которым я знаком несколько лет.

– Судя по твоему лицу, ты уже, – хмыкаю.

– А что, с утра выпил – весь день экстраверт, – хохочет.

Удивительно, но он не раздражает. Хотя обычно я обхожу стороной громких и чрезмерно веселых товарищей. Такие меня бесят. Да и многие бесят. В работе я еще включаю обаяшку – хирурга, но в жизни мое обаяние распространяется только на избранных. Илья же моя противоположность – готов покрыть своей харизмой все в радиусе пятидесяти метров. Надо сказать, что у него получается. Вокруг нас – точнее вокруг Ильи – уже собираются врачи, которым тоже не терпится отметить окончание конференции.

– Устал чего-то... – говорю куда-то в сторону.

– Ерунда! – гаркает Илья, – Давай, чтобы через час в холле. Отдохни, переоденься, подрочи... в ресурс войди, короче, и прогуляемся по местным кабакам. Я такие места вкусные знаю – Москва твоя и рядом не стояла.

– Уж спасибо за такое приглашение и рекомендацию, – цежу сквозь зубы.

– Не целка чай, чтобы обижаться, – гогочет.

Балабол. Толстяк. Местами идиот. И ведь при этом крутейший хирург! Как это сочетается? Может потому, что мне это интересно, я и соглашаюсь? Люблю неординарность и умение отличаться. Профдеформация, чтоб ее. Слишком много людей ко мне приходит, которые хотят стать одинаковыми.

Поднимаюсь в номер после чашки крепчайшего кофе в лобби, стягиваю пиджак и тщательно мою руки. Пользоваться советом Ильи не собираюсь, но вот отдохнуть с какой-нибудь незатейливой передачей...

Звонок телефона застает меня с пультом в руках.

– Да Кость.

– Ты же в Питере? Мойка, да? – сразу спрашивает мой друг.

– Угу.

– Слушай... у меня к тебе просьба. Там моя тетка остановилась. И что-то у нее пошло не так... короче она мне звонит в истерике и утверждает, что помрет сейчас. Давление, несварение, еще что-то... Можешь сходить проверить? Послушать, что у нее с дыханием.

– Кость, ты охренел? – я откидываюсь на спинку дивана, – Здесь куча платных скорых. И бесплатная медицина тоже на высоте. Я-то причем? Я зарабатываю тем что делаю новую грудь, а не прослушиваю старую.

– Ну Деми-ид, – ноет Костян, – Я уверен, что у нее вообще все нормально, просто начиталась чего-то и навоображала. Она мне сильно в жизни помогла в свое время, да и вообще зачетная, я не хочу всех этих скорых, непонятных врачей, которые не смогут с ней нормально поговорить... Сходи, а? Она о тебе слышала, да и прислушается, ты умеешь с женщинами разговаривать.

– Кость...

– Я ведь никогда тебе в просьбах не отказываю.

А это правда. Мы может и не часто видимся, но я точно знаю, к кому могу обратиться за помощью в случае чего.

– Ладно, в каком она номере?

Я позволяю себе еще немного посидеть, закрыв глаза, а потом снова накидываю пиджак и перебираюсь на нужный этаж. Стучусь. В номере какая-то возня, но никто не открывает. Еще раз стучусь. Раздражаюсь – меня здесь ждут вообще или как?

Дверь распахивается в тот момент, когда я снова заношу кулак и там...

Хм.

Это точно не старушка в бриллиантах, как я придумал. Тетка? Точно? Костику почти сорок, тетки и младше бывают, но...

Растрепанная блондинка. В шелковой пижаме. С широко открытыми глазами и распахнутым пухлым ртом. И с лицом у нее что-то точно не так, странные красные пятна... Аллергия? Температура? Запоздало вспоминаю, что не спросил у друга, как зовут его тетку и выдаю нейтральное:

– Это вам нужен доктор?

Изо рта блондинки вылетает какой-то полузадушенный хрип или стон, а сама она так шарит по мне глазами, что аж неловко становится. Хотя где врачи – и где неловкость.

– Доктор. Конечно. Ха-ха. Убью дур, – бормочет что-то странное. Горячка? Может она сумасшедшая? И хмурится, – Д -демид?

– Ну да, – оттягиваю почему-то ставший тесным ворот. Она переводит взгляд на мою руку и шею и сглатывает.

– А п-почему без халата? – спрашивает хрипло и делает жест рука-лицо. И говорит из под ладошки, – Забудь. Конечно. Я бы еще про фонендоскоп вспомнила.

Я уже ничего не понимаю.

– Так я захожу? – спрашиваю грубее, чем обычно.

Неловко переступает, и я обращаю внимание, что блондинка босиком. И пальчики на ногах такие маленькие, покрыты алым лаком...

Фак.

Кажется, у меня встает.

Надо сваливать...

– Заходи, – будто решается на что-то и отступает в глубину номера.

Главное в жизни – определиться, где твоё место и что ты за птица

Идиотки, идиотки... идиотки!

Как им пришло в голову такое?! Уверена, это Натали. Может не придумала, но организовала. Всю эту требуху секс-назначения в коробке и мужика мне в номер. Стыдно-то как... Хотя не я вызвала проститута – стыдно мне. Как про это говорят? «Испанский стыд»? Что-то испанское во мне точно есть: желание боднуть сначала того, кто стучится в дверь, а потом и своих подружек.

Открываю дверь и рот тоже открываю – гаркнуть, чтобы сваливал! И зависаю.

Если честно, вживую я эскортников не видела. В воображении, кстати, тоже. Мне кажется странно фантазировать о мужике по вызову и представлять все его... атрибуты. Но я точно не предполагала, что такой мужчина может выглядеть... Не знаю. Круто? Статусно? Взросло? Самое что смешное, но он и правда похож на доктора, хоть и в костюме!

И что еще смешней – или наоборот, грустней – он похож на мою ожившую мечту. То есть когда я мечтала о своем идеальном мужчине – не по вызову! – я примерно такого и представляла. Чуть старше меня. Привлекательный, но не до приторности. Хорошо уложенные волосы, печать интеллекта на лице, широкие плечи...

Господи, сколько же они заплатили?! Не меньше той суммы, что я за этот номер...

– Это вам нужен доктор?

Больше. Точно больше. У него такой голос, что между ног потоп сейчас начнется. Это НЛП? Феромоны? Может мои придурочные подружки еще и в отеле кого подговорили, чтобы мне в шампанское что-то добавили?

«Это банальный недотрах. Вот твоя льдина и начала таять при виде нормального мужика», – сообщает мой внутренний голос Наташкиными интонациями.

– Доктор. Конечно. Ха-ха. Убью дур, – у меня, похоже, припадок. Обычно я сдержана и за словом в карман не лезу, но сейчас лучше бы молчала. У мужика глаза все шире от моих слов, да и я понимаю, что веду себя неадекватно. И вообще... а это точно он? – Д.. демид?

– Ну да, – зачем-то трогает ворот своей рубашки. А я залипаю на его шее. И длинных пальцах. Теперь не только между ног мокро – еще и во рту слюна скапливается. Даже не знаю, что хочу больше – облизать его шею или пососать его пальцы.

Бли-ин, вот же меня кроет.

– А п-почему без халата? – спрашиваю, только бы сказать что-то. И снова не то. Дура дурой. – Забудь. Конечно. Я бы еще про фонендоскоп вспомнила.

– Так я захожу? – его голос кажется резким.

«Нет», – строго заявляет мой мозг.

«Да-аа!» – орет окончательно оттаявшая вагина.

«Заткнись, я главнее», – сообщает ей мозг.

«Главнее та, точнее там, куда кровь прилила», – победно хохочет вагина.

«Я тебе сейчас еще добавлю, махарошая. Вдруг это наша будущая любовь?» – умиленно всхлипывает сердце.

«Еще старую не пережили. Пошел вон!», – ноет опыт.

«Мы дрожим, нам страшно!» – пищат коленки...

– Заходи, – почти выкрикиваю, пока у меня голова не взорвалась от этих противоречий.

Отступаю. Из виду его не теряю, на всякий случай. Реально страшно повернуться к нему спиной. Вот это «страшно» и «не поворачивайся» меня и подводит. Я иду назад слишком

быстро, слишком увлечена тем, как он закрывает дверь в номер, потому забываю, что позади меня кровать, и падаю на нее с истерическим полувсхлипом.

«Коленки – разъезжаемся!» – командует вагина.

«Не смейте! Мы не такие!» – возмущенно пищит воспитание.

«А может и такие...» – томно шепчет проснувшееся либидо.

– Заткнитесь! – шиплю я.

Ой блии-ин... Со слухом у «доктора» все отлично. Он и прежде хмурился, а сейчас так и вовсе обалдел. Хватит, Ника, хватит! Ты взрослая женщина – уже даже по паспорту взрослая, у тебя мозги, многогранный опыт и дочь, прекрати вести себя как ненормальная. Раз уж пустила – пользуйся, в конце концов, что происходит в Питере – остается в Питере! А если что-то начнет не нравиться – всегда можно остановиться и выгнать. И он уйдет.

Но выгнать прям сейчас... Как можно вот так выставить за дверь ожившую мечту? Я же пожалею, я точно пожалею, что поддалась стыду и желанию соблюсти правила приличия и не попробовала, что мне предлагают!

Успокаиваюсь.

– Вы что-то сказали? – спрашивает осторожно Демид.

– Ничего особенного... так, вспомнила кое-что, – силюсь улыбнуться.

– Так плохо? – делает свои выводы. – Где у вас болит?

Ох, это они? Ролевые игры? Он же типа доктор, к пациентам на "вы" – и я должна сейчас показать какое-нибудь место, где у меня болит, а он это место поцелует...

«Скажи, что у меня!» – знаю, кто вопит это. Но я пока осторожничаю. Мне нервно, странно, страшно, еще и возбудилась дико от всей этой ситуации – хотя Демид не сделал ровным счетом ничего!

Так может пусть сделает?

– Вот здесь, – говорю сипло и кладу руку куда-то на грудь.

– Ага, – реагирует немного странно. Обводит взглядом весь номер, чуть задерживается на бутылке шампанского и клубнике, хмурится, снова на меня смотрит, думает о чем-то. А потом делает шаг вперед, – Вы позволите... хм, простучать?

"Простучать"?! Чем?!

Ловил я много разных рыбок, я знаю клёвые места

Демид

Сколько я не трахался? Несколько дней? С Машей мы встречались как раз накануне моего отъезда... А такое чувство, что пару месяцев не было секса. Иначе как объяснить, что я не просто возбужден, но у меня стоит так, что спасает лишь довольно длинный пиджак? И из-за чего? Из-за того, что растрепанная блондинка в закрытой пижаме вдруг валится на кровать?

Херня какая-то.

Зрачки у нее расширены – радужки и не видно почти. Часто дышит, пахнет клубникой и алкоголем... Последнее я даже могу объяснить. Вижу улики на столике – пустой бокал, бутылку и сочные ягоды. И на лице не аллергия, получается, – клубникой натерлась. Знаю эту странную женскую причуду, мазать на себя еду.

Я не могу объяснить другое. Почему в совершенно неподходящей ситуации я, вместо того, чтобы выполнить свой врачебный и дружеский долг, хочу слизать с ее щек размазанную мякоть, впиться в сочный рот и потом отодрать ее так, чтобы визжала на весь отель?

И почему она сама ведет себя столь... неоднозначно?

Может под наркотой? Зрачки из-за этого такие?

Я, конечно, Костику все выскажу. На тему его тетки и таких вызовов. Только сейчас что делать?

Мне казалось я хорошо разбираюсь в людях. Брал углубленный курс психологии – все-таки в коммерческой пластике легко нарваться на неадекват, а потом разгребать последствия.

На тренингах личностного роста изучал психотипы, поведенческие характеристики. Да и по жизни через меня столько женщин прошло... В профессиональном смысле. Я читаю их очень быстро – с чем пришла, в чем проблема, что стоит за ее желанием сделать грудь или нос.

В непрофессиональном, кстати, тоже много было.

Только вот эта... черт, так и не знаю ее имени... Я не могу никак понять, что с ней происходит. Не сумасшедшая она. Может слегка выпившая. Но ведет себя... Действительно чем-то больна? Стало плохо от алкоголя и ягод? Или все-таки запрещенка? А за грудиной почему болит, что туда показывает?

На мое предложение простучать грудь блондинка реагирует более чем странно. То есть еще более странно, чем до этого! Глаза на пол-лица распахивает, рот тоже – ой не надо открывать так широко, хочется засунуть туда совсем не лопатку. Когда я склоняюсь к ней и аккуратно прикладываю пальцы, дышать вообще перестает.

– Может надо расстегнуть пижаму? – вдруг спрашивает странно-сдавленным тоном.

– Одежда мне не мешает, – качаю головой и хмурюсь. Надо перестать отвлекаться на всякие возбуждающие детали, сосредоточиться на медицинских манипуляциях. Так, вроде нормально все, жидкости в бронхах нет...

– Не поняла... – удивляется чему-то, – Мне оставаться одетой?

Эм...

– Ну да, – получается с сомнением. Я сам начинаю сомневаться, что ей надо оставаться одетой. Может сейчас в кабинете терапевта тоже раздеваются догола? А я и не в курсе?

И будто в ответ на мои мысли она шепчет:

– Я все-таки расстегну немного...

На меня нападает меня столбняк. Между ног тоже. Ну и что, что прививался? Я пошевелиться не могу, пока она довольно неловко высвобождает пуговицы. Одну за другой. Потому что я вижу круглую двойку сливочно-карамельного цвета. Упругую и натуральную. И хрен его знает, чего меня так торкает. Я же пластический хирург, я видел и щупал столько сисек – давно считать перестал. Мне платят за то, чтобы щупать их и делать!

Но торкает.

И этот запах клубники...

Рука сама тянется потрогать. Я ничего с этим не могу поделать! В голове какие-то дурацкие мысли, что если я пересплю с теткой Кости, то это почти инцест. Что если она заорет, когда я поглажу – а я уже точно поглажу – всегда можно объяснить, что ничего личного. Профдеформация. А еще я думаю, что если у меня яйца сжались только от их вида, что будет, если я загною между этих полушарий член...

Пальцы коротко скользят по нежной коже и почти ныряют под пижаму. Мне до одури важно отодвинуть и посмотреть, какого цвета у нее соски, которые сейчас отчетливо выпирают через тонкую ткань.

Почему-то кажется, что похожи на клубнику... Цветом и вкусом.

– Ах, – говорит блондинка на мое прикосновение.

Тоже хочется сказать что-то такое...

А вдруг это потому, что ей больно?!

Я снова впиваюсь взглядом в ее лицо, и понимаю, что на нем проступает не боль. И лихорадочный блеск в глазах на температуру не спишешь.

Она возбуждена не меньше чем я. Мне уже плевать, что тут вообще происходит. Но я просто сейчас наклонюсь и поцелую этот пухлый рот, а потом сделаю с ней то, что мне хочется. Не имеющее отношение к лечению или врачебной этике.

Я склоняюсь к ее губам, блондинка прикрывает глаза и чуть выгибается...

И в этот момент раздается настойчивый стук в дверь.

Горит пожар моей души. Достань брандспойт и потуши

Демид, Демид...

Откуда же ты взялся такой?

Такой, что я... господи, ты еще ничего не делаешь, просто смотришь хмуро и недоуменно, а я уже готова забыть все. О том, что спать с мужиками по вызову – это просто фу и стыдобища.

О том, что спать с мужиком, про которого известно только то, что он по вызову – и имя – это вообще не мое. Не сказать, что у меня высокая планка. Но сейчас на минимальный мысленный чек-лист, в котором должны быть отмечены галочками хотя бы букет цветов, статус, возраст избранника и его желание сводить девушку на свидание, прежде чем отвести в постель, я тупо забила...

Хотя статус я его знаю. Определенно. Да и букет цветов вон в вазе стоит... Ха-ха.

У меня явно перемякло в голове. Еще когда я дверь открыла. Видимо на престол взошла вагина и правит теперь, как хочет. Ничем другим я не могу объяснить острейшего разочарования, когда «доктор» начинает простукивать грудную клетку пальцами.

Пальцами, а не тем, чем я на мгновение подумала!

– Может надо расстегнуть пижаму? – почти всхлипываю.

– Одежда мне не мешает.

Ч-что?!

Это он... роль так играет? Ах да, я поняла... я же пациентка, а он суровый доктор. Это я его должна типа соблазнить, чтобы у него крышу снесло.

Капец. Соблазнить. Я когда последний раз это делала?

– Я все-таки расстегну немного, – шепчу и деревянными пальцами вытягиваю пуговицы из петель. Одну, вторую, третью... У меня не хватает гонору одним махом снять верх от пижамы, ситуация и так из ряда вон.

Но может он начнет проявлять инициативу?

Проявляет... кажется. Скользит очень нежно по обнажившейся коже, вызывая табун мурашек по всему телу и мое сдавленное «ах».

Смотрю на него, убедиться, что правильно поняла, а у него в глазах...

Вопрос. Порок. Жажда.

«Я сейчас захлебнусь», – счастливо стонет вагина.

«Нам срочно нужны эти губы», – ноют соски.

«Я устал. Я ухожу», – хлопает дверью мозг.

Неуверенность тоже исчезает вместе с ним.

Я выгибаюсь в ожидании поцелуя. Демид склоняется надо мной, обдает мои губы пряным горячим дыханием, почти ложится и...

Стук в дверь заставляет обоих вздрогнуть и отвести взгляд. Но потом мы снова смотрим друг на друга, снова тянемся, снова глохнем...

Еще более громкий и настойчивый стук, который невозможно игнорировать.

Демид шипит что-то матерное, а потом мужское «я разберусь», от чего восторгом заходится не только вагина. Идет решительно к двери, пока я целомудренно запахиваю ворот – мало ли, может ошибся там кто, нечего прелести демонстрировать. И...

– Доктора вызывали?

Мне приходится вскочить с кровати, потому что иначе челюсти неудобно падать на пол.

В коридоре... врач. Такой смазливый пацан с волосами, покрытыми гелем, и в белом халате.

И если честно, то я даже не знаю, кто из нас троих больше удивлен. Пожалуй... тот кто в коридоре. Который выглядит как... Хм.

– За второго доплата, – заявляет настоящий парень по вызову самым противным голосом.

– Вы все-таки вызвали скорую? – говорит тот, который не по вызову. Который что... доктор? На самом деле? И он ко мне пришел...

Бля-я...

Но надо проверить. Ведь таких совпадений не бывает, правда?

– Демид? – спрашиваю тихонько.

– Что?

– Да, он самый.

Раздается на два голоса.

«Ну и как ты будешь с этим разбираться?» – ехидно спрашивает вернувшийся мозг.

«Не надо было открыва-ать», – всхлипывают все остальные части тела.

Вторым, до кого доходит, что здесь произошло, становится лже – Демид.

То есть тот, кто реальный. Самый-самый реальный и восхитительный мужик... На его лице изумление сменяется пониманием, затем – насмешкой, а дальше откровенным пренебрежением. Он кривит рот, еще раз осматривает номер, меня, кровать, переводит взгляд на застывшего эскортника с застывшей улыбкой и сообщает в пространство между мной и дверью, предельно вежливо и слегка презрительно:

– Что ж, похоже настоящий доктор прибыл... по вызову. И лечение теперь пойдет значительно успешней.

И уходит! Задев плечом совсем не того Демиды. Я даже ничего не успеваю сказать или спросить! Сказать – в оправдание. Спросить... что он вообще делал в моем номере, почему постучал ко мне в дверь?!

– Я ничо не понял, но мне и не надо, – скалится еще шире незнакомой и шагает внутрь номера. Прикрывает дверь с громким щелчком. Смотрит на меня с совершенно неуместной радостью, но вдруг будто вспоминает о чем-то, стирает с лица улыбку и дебилно играет бровями:

– Ну и где там моя любимая пациентка?

«Буэ» – сообщает мне вагина.

«Согласен», – фыркает мозг.

«Я исчезаю! Помогите!» – вопит либидо.

«Так, надо вспомнить, как вежливо посылать нахер», – задумывается воспитание.

– Подите вон, – говорю громко и указываю на дверь.

– О, усложненная ролевая игра, – снова скалится «доктор». И идет ко мне, – Строптивица какая... придется поставить тебе укольчик...

– Ты бред несешь! – взвизгиваю от возмущения и вскакиваю на кровать на всякий случай, – Вон пошел! Я не собираюсь с тобой спать!

– Но... – все еще не понимает.

– Я передумала! Не хочу! Мне не надо! Тебе же заплатили уже?

– За два часа, – кивает тормознуто.

– Вот и иди два часа гуляй, а мне ты здесь не нужен! Быстро, иначе позвоню администратору!

Бормочет про одуревших баб и ретируется из номера. А я... Бухаюсь снова на кровать и прячу со стоном лицо в ладони. Пальцы чувствуют что-то липкое... и теперь мне хочется не только плакать, но и ржать. Истерически. Потому что я и забыла, что все то время, пока собиралась трахнуть с роскошным мачо, а потом прогоняла нероскошного, я делала это в маске из клубники.

Можно жить так, но лучше ускориться

Демид

Нет ничего более обламывающего, чем когда тебя прерывают в такой момент.

Я хочу оказаться глубоко внутри нее... А спустя пару минут я хочу придушить ее. И вовсе не в моменте оргазма.

И дать в морду смазливому проституту, который нацепил дешевую тряпку из магазина спецодежды, играя в доктора.

– Виски.

– Две порции?

У меня что, на лице все написано? Обычно я более сдержан.

Киваю прозорливому бармену и стараюсь не залпом хотя бы пить.

Идиотская ситуация!

Идиотская блондинка!

Идиотская путаница!

Так только в тупых американских комедиях бывает... но что-то нифига не тянет поржать.

Что же меня зацепило, а? Необычность поведения блондинки? Ну да, тут поневоле зацепишься, когда мозг никак не может проанализировать происходящее и выдать какой-то результат. Но теперь-то мне понятно, что там происходило.

То, что меня приняли за мужика по вызову? Есть немного... Живешь тридцать пять лет, из них половину жизни посвящаешь медицине, пашешь как проклятый, не спишь, учишься, работаешь, делаешь себе имя, покупаешь квартиру, дорогую тачку, все прочие атрибуты роскошной жизни – а потом тебя опускают до уровня парня, которому платят за почасовой секс.

Кстати, сколько платят?

А, пох, не важно.

Может меня зацепило то, что эта девица... в принципе такой оказалась? Даже не знаю... из обеспеченных дамочек, которые уезжают в другой город, снимают там номер в роскошном отеле и вызывают себе молоденьких мальчиков развлечься, пока пузатый муж где-то зарабатывает. Ей-то зачем платить? С ее внешними данными?

Или тот факт, что сейчас эти внешние данные, эту карамельную кожу, клубничные губы будет пользоваться кто-то другой? Трахать ее, содрав шелковую тряпку и намотав светлые волосы на кулак...

– Костик... – улыбаюсь кровожадно, читая имя входящего абонента. Сейчас он у меня за всех будет отдуваться – мне надо куда-то деть раздражение.

Не получается.

– Дем! – тараторит, чуть задыхаясь, – Нет времени долго говорить, на встречу опаздываю! Короче, по тетке отбой, она оказывается в этот раз в другом отеле поселилась, я и не понял из прошлых путаных объяснений – но уже успокоилась, дозвонилась до администратора, и те вокруг нее хлопочут. Хорошо, что ты не успел пойти ее искать!

Не успел, блять...

Я хлопаю телефоном по барной стойке так, что окружающие вздрагивают, а потом делаю вдох-выдох, чтобы успокоиться. И аккуратно убираю в карман пиджака.

Все. Проехали.

Рефлексиловать точно не моя история.

– Демид, решил не ждать восьми? – раздаётся раскатистое рядом. И на барный стул взгромождается улыбочивый Илья, – И правильно! Сейчас народ подтянется тоже. Начнем здесь – а потом такой рейд устрою... Уверен, одни не вернемся.

Он подмигивает мне, заказывает бармену водки и настраиваясь на необременительным треп, а я одним глотком допиваю то, что оставалось в стакане. Отличный план. Отличный, я сказал! Пробежаться по заведениям в веселой компании, расслабиться, подцепить может кого-то, хорошо провести эту ночь, так чтобы Питер вспоминался не только конференцией...

– Я кое-что забыл сделать, – удивляюсь сам себе и встаю со стула, – Если не вернусь вовремя – начинайте без меня. Наберу тебя.

– Номер-то мой есть? – заботливо уточняет приятель, ничуть не расстраиваясь моему уходу. Этот без компании точно не останется.

– Есть, – киваю.

И иду назад к лифтам.

Я должен убедиться... Я должен точно знать, что, когда за мной закрылась дверь, мужик с моим именем начал отрабатывать свои часы, а блондинка даже не заметила подмены.

Зачем мне это знать? Не знаю.

Так надо.

Стучусь в уже знакомую дверь и морщусь от того, что стараюсь вслушаться, что там происходит... в номере. Если мне через секунду не откроют... Дверь распахивается, когда я уже отворачиваюсь.

Она умылась. Первое, что замечаю. Хотя запах клубники никуда не делся. Или это мне уже кажется? И переделалась – в простую футболку и джинсы. Волосы в хвосте, лицо немного растерянное, а сочная губа прикушена... будто хотела что-то сказать, но передумала.

Она точно не выглядит, как та, которую только что трахали. Да и времени прошло не так что много. Я не могу видеть весь номер, но почему-то уверен, что там никого нет. Слегка напрягает, что меня это наполняет ликованием...

Нет, я не напрягаться пришел.

– Как тебя зовут? – спрашиваю. Вовремя, угу.

– Вероника... Ника, – сообщает тихо.

– А я Демид.

А я тупой.

Это она точно знает.

Изо рта Ники вырывается смешок, и она кивает. Смотрит неуверенно, но настороженность во взгляде меняется на какое-то другое выражение, более теплое:

– Так ты... врач?

– Угу.

– А ты почему... Впрочем, наверное не важно.

Она права.

Почему я тогда к ней ломился не важно. И, пожалуй, не имеет значения, почему она вызвала себе лже – врача. Важнее другое. Что мы будем делать здесь и сейчас.

– Так я захожу? – повторяю вопрос, который уже задавал... будто в другой жизни. А ведь не больше получаса прошло!

Глаза Ники на мгновение расширяются, а потом она говорит хрипло:

– Заходи.

Но только ты – рыба моей мечты!

Демид целует меня без всяких разговоров. Едва заперев дверь. Как будто переживает, что нас снова прервут. Или я передумаю. Я ведь могу... А нет, не могу. Если я откажусь, то вагина с либидо точно соберут чемоданы и свалят с концами.

Целует мокро, горячо, с гортанным выдохом, жадно. Так что я сама начинаю задыхаться. И не могу возразить или предложить там чай, кофе, познакомиться нормально... Какие разговоры, когда тебя целуют именно так?

Я не ожидала от него безусловной, порочной жадности, и что он разгоняется за пять секунд до скорости двести. Не то, чтобы я фантазировала... Но мне казалось, что такие уверенные в себе свободные красавчики вовлечены в секс ради возможности поставить еще одну галочку и получить оргазм. Свой. Хотя могут от исключительной щедрости еще и о твоём удовольствии позаботиться.

Но это я бывшего, пожалуй, вспомнила.

Демид другой. Жадный. И это круто. Так что и я разгоняюсь на раз – чего от себя не ожидала.

Во рту влажно от его слюны и языка, мне нравится. Как и привкус виски и чего-то пряного. Холод, который я чувствовала последние полчаса, после того, как он ушел, а другого Демида я прогнала сама, пропадает. Мне конкретно так жарко сейчас... Аж хочется раздеться.

«Это не поэтому», – стонет вагина.

У Демида волосы как у меня. Только темнее и жестче. И в них охеренно запускать пальцы. И глаза тоже серые. Но мои – с оттенком асфальта. В его же радужке мелькают проблески янтаря. Глаза я вижу, потому что тяну за волосы, чтобы оторвался ненадолго, и я могла сделать полноценный вдох...

И снова, стучаясь зубами, соединиться с ним, только бы поскорей наполнить рот его вкусом и запахом.

Он прищипливает меня к стене и выправляет из-под пояса футболку, сжимает ягодицы, гладит по животу, тянется к груди, к соскам – блин, сколько у него рук, а? – и как-то очень ловко трет сначала одну вершинку, потом вторую, и между ног простреливает горячим удовольствием...

Мы еще до кровати не дошли и не разделись, а я уже готова кончить.

Может это возраст?

Где-то читала, что после тридцати у женщины сексуальная жизнь расцветает. Так это день в день начинается?

Задирает футболку выше и всасывает твердые горошины, бормоча что-то про клубнику. Прикусывает. Мне безумно хочется покусать его в ответ, но, похоже, я сегодня мало что решаю. И это тоже нравится. Что каждый сантиметр моей голой кожи облизан и согрет его дыханием.

Демид трет ребром ладони между ног, там где жесткий шов джинсов впивается в промежность и от остроты ощущений коленки подгибаются.

– Хочу тебя, – хнычу.

– Предлагаю переместиться на кровать.

– Я воспользуюсь твоим предложением.

– Пользоваться здесь буду я.

Мы не сразу двигаемся.

Вот так стоять, оказывается, тоже хорошо.

Когда тебя прижимают к стене, чтобы сполна ощутила возбуждение. Я и ощущаю. Нельзя пропустить такую дубину в штанах. Нельзя не потрогать – пусть даже через тонкую ткань брюк. Крепко провожу по всей длине и получаю в награду стон. А потом Демид с легкостью подхватывает меня и роняет на постель. И ловко избавляет от футболки и джинсов, оставляя на мне только тонкое, насквозь промокшее кружево, через которое и ласкает длинными пальцами. Такими же ловкими, как и все его движения. Не забывая целовать и тискать все, до чего дотягивается, так что уже скоро вся кожа будто течет и плавится, а не только валяющаяся в полубомороке от счастья вагина...

При этом он все еще полностью одет. Кажется только ботинки с себя скинул. Как будто это я здесь шлюха, которую пользует серьезный мужчина...

Черт, я и правда шлюха. Потому что прямо сейчас собираюсь трахнуть с незнакомцем и мне очень нравится, что он не спрашивает ни о чем, а берет все, что успеваю ему подставить, выгибаясь...

– Разденся, – шиплю, не выдерживая. Меня не смущает моральная сторона – я просто очень очень хочу посмотреть на него голого. Провести по груди. Потрогать кожу...

– Если я разденусь, то уже не смогу остановиться, – сообщает совершенно серьезно, отрываясь от меня.

– Меньше всего мне надо, чтобы ты останавливался...

Я ловлю себя на более-менее внятной мысли, что с ним как-то удивительно легко. Будто мы давно знакомы и уже не в первый раз делаем это. Нет какой-либо неловкости, или желания втянуть живот или выключить освещение, или переживаний, что не смогу возбуждаться достаточно... Подо мной наверное уже лужа натекла, глаза то и дело закатываются, потому что Демид хоть раздевается, но все равно постоянно отлынивает от этого процесса, чтобы потрогать меня в самых чувствительных местечках...

А потом мысли улечиваются. И хочется восторженно пищать. Потому что там, под одеждой, он весь такой... туго-туго обтянутый кожей. Не перекаченный, но с четким рельефом и идеальными кубиками на животе, что я захлебываюсь слюной. Мне срочно надо облизать их...

– Не сейчас, – пресекает мой порыв

– Дай хоть пощупать, – я несу уже все, что думаю. – Они у тебя такие... Они правда настоящие? Говорят, что можно взять жир и закачать его так, чтобы выглядело кубиками.

Ржет. Сам кладет мою ладонь на живот, прижимает, чтобы убедилась – и правда настоящие, но у меня уже другая цель. Я ныряю под резинку трусов и тут же испуганно распахиваю глаза.

– Как он в меня влезет?!

– Справимся, – шипит сквозь стиснутые зубы, потому что испуг испугом, а трогать и поглаживать я не прекращаю, – Младенец же как-то тазобедренные раздвигает...

– Ты капец романтичный, – фыркаю, добираясь до влажной головки, и мы стонем одновременно. Он – потому что, надеюсь, приятно. Я – от ощущения бархатистой упругости.

Демид стягивает трусы и вдруг матерится:

– Резинки! У меня же нет с собой...

– Посмотри в коробке на тумбочке, – краснею немного.

Он приподнимает крышку, вытягивает ленты разного размера и присвистывает. Но спасибо, что не требует объяснений. Я потом расскажу, если захочет. А пока...

– Ц-цц... – выгибаюсь, чувствуя распирающие. Зажмуриваюсь. Под веками искрит. А когда он плавно входит на всю длину еще и влага скапливается. Такие острые ощущения. Это одновременно болезненно и охуенно, не знаю чего больше. Но жалобный стон сдержать не могу.

Пытается отстраниться.

Чего? Лишиться вот этого ощущения – и так быстро?

– Не смей, – шиплю зло, обхватываю его для надежности ногами и загоняю ногти в голые плечи. И добавляю тише, – Просто дай мне время привыкнуть.

Растворился я в тебе, как в океане море

Демид

– Встань с меня, – кричит снизу Ника спустя бесконечный, оглушающий полет в бездну. Член до сих пор пульсирует, хотя с момента нашего оргазма – и правда «нашего» – прошло довольно много времени.

– Не могу, – отвечаю совершенно честно, – Я прилип.

Ника подо мной замирает и... расслабляется.

– Ну ты и придурок, – полувсхлип – полусмешок

– Угу.

Придурок.

Который снова хочет пережить то, что только что пережил.

Клубничная блондинка – Ника – оказалась просто охеренной. Отзывчивой, горячей, узкой, настолько вкусно пахнущей, что я лизал, кусал, целовал ее больше чем трахал. С последним получилось так себе... не знаю почему, но я почти кончил, когда вошел в нее первый раз, едва сдержался, когда она принялась стонать и подмахивать, и совершенно перестал себя контролировать, когда принялась бешено сокращаться, рискуя оставить гематомы у меня на члене.

Но секс был объективно короткий.

Только размазало, как после двухчасового марафона. Потому лежу на ней. Чувствую, как потихоньку остывает влажная кожа... Все-таки надо переместиться. Ника – девочка тонкая, а я конкретно так придавил.

Осторожно выхожу, снимаю презерватив, а потом снова сграбастываю ее и прижимаю к себе спиной, чувствуя, как член твердеет и так и просится уместить его между двух округлых половинок.

Кто я такой, чтобы отказывать столь важному органу?

Сжимаю упругий зад и делаю несколько скользящих движений.

Оба стонем.

Она прогибается в пояснице, чтобы плотнее прижался, и пусть ругается полупшепотом, что ей надо прийти в себя, и в душ тоже надо, и вообще, что я принял такое, что могу не отдыхать – я уже заметил, что Ника много болтает, и всегда довольно забавно – но продолжает елозить так, что вскоре меня уже потряхивает, так хочется оказаться снова у нее внутри.

Нащупываю презерватив, раскатываю по длине, закидываю ногу на свое бедро и вдавливаю член туда где ему, по ощущениям, прямо сейчас самое место.

– Ох, – взбрыкивает и будто пытается отодвинуться.

– Ш-шш, – шлепаю звонко по ягодице, – Не дергайся. А то снова получу медаль спринтера. Ты такая узкая и горячая...

– А ты погреться заглянул? – хихикает.

Ну что за дурочка?

И главное меня не напрягает. Наоборот, нравится. Реально прет – вгоняю в нее член и смеюсь. А потом хватаю пальцами за подбородок, поворачиваю голову к себе, чтобы еще какую хрень не ляпнула, и впиваюсь поцелуем: трахаться с ней хочется сейчас чуть больше, чем смеяться.

Отрываюсь и даю отдышаться.

– Слишком много болтаешь, – говорю нарочито сурово и подношу пальца к ее рту, начиная двигаться внутри, – Соси.

Ника засасывает два пальца, и делает встречное движение, так что раздаётся пошлый шлепок, и снова, снова, у меня аж глаза закатываются, как это ощущается все вместе. Ее язык и влажный рот, тесная щель, карамельного цвета кожа, стоны, хлюпанье, запах секса, которым уже успел пропитаться номер, страстные движения... Переворачиваю, ставлю на четвереньки, наматываю волосы на кулак, как мне до этого и представлялось, и долблюсь в нее на огромной скорости. Вгрызаюсь в светлое плечо зубами – она в ответ засаживает свои когти мне в бедра, рычит, когда я вдавливаю ее лицо в подушку, чтобы не орала так – на крики же пол отеля сбегится – и чуть отстраняюсь, потому что хочу много всего и сразу, но больше всего – смотреть, как исчезает между двух круглых половинок и розовых лепестков член.

Я успеваю опробовать всего несколько поз, прежде чем снова кончаю. И снова, похоже, рановато.

Ника не успевает за мной.

Выглядит вполне довольной, щеки покраснелись, как от маски с клубникой, глаза блестят, а губы искусаны... Но я не хочу чувствовать себя должником.

– Ты ч-что делаешь? – распахивает изумленно рот, когда я избавляюсь от презерватива и скольжу вниз, закидывая ее ноги себе на плечи.

– Равняю счет, – опускаю со смешком голову.

Пизже, чем в Париже, чем в Париже – пизже

Я не такая.

Вот честно.

Была.

Теперь все в прошедшем времени, да?

Была девственницей, была замужем... была приличной женщиной.

Почему-то осознание, что теперь я женщина очень даже неприличная, способная трахнуть с горячим незнакомцем в гостиничном номере, да еще при этом стонать и орать от удовольствия, приходит ко мне в момент, когда этот самый незнакомец опускает свою светлую головушку между моих ног. И доказывает, что пальцы и член – это не единственный его рабочий инструмент.

Так сладком мне давно не было.

Сладко, голодно и наполнено одновременно.

Это все неприличные женщины так себя чувствуют? Тогда я согласна. Я прям даже агитировать буду. Из солидарности. Чтобы каждая могла словить подобный кайф. Встану впереди колонны неприличных, буду размахивать флагом «Каждой приличной по скорой секс-помощи». Чтобы в Думе приняли соответствующий закон. И такие секси-доктора в специальных машинах с тонированными стеклами разъехали во все концы страны.

– А-ааа... – ловлю широко открытым ртом воздух, трясясь, как припадочная. Изогнутое струной тело замирает на пике... и безвольно падает на подушки.

– Ты там тоже клубничная, – сообщает чем-то довольный Демид с соседней подушки. Спустя бесконечное количество времени или спустя минуту. В моем состоянии все кажется немного нереальным.

Сообщает... и облизывается.

Вот это облизывается что-то цепляет глубоко внутри. Там, где была сотня предписаний: от «Партнеры перед сексом должны тщательно мыться» до «Оральная секс – это повинность ради прелюдии». От «Все эти звуки, хлюпанье, смазка – это фу какое» до «Орут от удовольствия только в порно и то не по-настоящему».

Оказывается можно и так.

Грязно, липко, мокро, жестко, вкусно во всех смыслах...

Я тоже хочу!

Я же теперь неприличная!

– Ложись, – командую как настоящая доминантрикс.

– Так я уже... – смеется.

– Значит лежи, – показываю язык.

Достаю незаслуженно забытую бутылку шампанского, бокалы, недоеденную клубнику и... наручники.

Брови Демида удивленно ползут вверх. Явно на последний предмет реагирует.

Я неприличная и творю, что хочу с этой ночи! Все уже решила, да... Но почему-то считаю необходимым объясниться.

– Это подарок моих подружек, – киваю на коробку.

– Наручники и презервативы? – он в явном недоумении.

– Наручники, презервативы и врач по вызову, – щеки вспыхивают. Вот вроде нечего стыдиться, да и глупо это... Но все равно неловко. Да и плевать... Это же всего на одну ночь, да? Пусть даже решит, что я и сама ненормальная, раз у меня такие ненормальные подружки. Или что со мной все не очень, раз нет мужика – и единственная возможность заняться сексом это заплатить. – Подарок на день рождения.

– Который был... ? – тянет.

Я мельком смотрю на время. И хихикаю. Не такой уж скорострел.

– Через полчаса закончится.

И чокаюсь с ним бокалом.

Демид, кажется, немного растерян. Что и подтверждает словами:

– Теперь понятно. Но... вообще-то я привык на вечеринки ходить с подарком.

– Ну ты уже вручил... – снова хихикаю. Кажется я теперь не только неприличная, но и легкомысленная. И дурная. Настоящая блондинка. И не скажешь, что юрист с магистерской степенью в области трудового права. И добавляю деловито, – Есть еще кое-что, что ты можешь мне подарить.

И машу перед его лицом наручниками.

– Меня или тебя? – смотрит потемневшими глазами и оставляет бокал. Кажется у него снова встает.

– Тебя, – отвечаю уверенно. Может и не очень уверенно. Картинка, где пристегивают к перекладине кровати меня слишком живо разворачивается перед внутренним взором. Но я же решила.

Подчиняется.

Дергает руку, что действительно бездвижен. Откидывается на спинку и смотрит с интересом. А я сглатываю слюну, внимательно изучая – пока только взглядом – мой «подарок». Тот от этого только увеличивается.

Ух, Ника – золотые глазки.

– Как ты любишь? – спрашиваю тихонько.

– Ника, тебе не обязательно...

– Как. Ты. Любишь, – прорезаются в голосе требовательные нотки.

– Жестко. Быстро. Глубоко. До спазмов и твоих слез, – перестает выпендриваться. И голос у него такой... Ради него можно и поплакать.

Я киваю и придвигаюсь к нему ближе, обхватывая основание рукой и облизываясь.

«Уи-и» – верещит очнувшаяся вагина.

«Это не тебе», – самодовольно сообщают губы.

«Это вообще ему», – строго напоминает либидо, становясь на колени.

«Нам тоже понравится», – не соглашается моя чрезмерно разговорчивая подружка.

«Нам» и правда нравится. Настолько нравится, что «мы» едва снова не кончаем в процессе – хотя прежде я не замечала за собой особого удовольствия от такого вида секса.

Зато кончаем в душе.

И потом, допив игристое и сменив все поверхности в номере. И перепробовав, кажется, все позы.

Последний оргазм особенно тягучий, темный, перечный... я сама растекаюсь после него по поверхности кровати, проваливаясь в тягучий же и сладкий сон, чувствуя, как по-хозяйски сверху кладет свою руку Демид...

А когда просыпаюсь, в номере уже никого нет.

Еду и рулю, в Питере температура близится к нулю, но я протестная натура

«Ушел», – констатирует мозг.

«А вот теперь можно и покурить», – сыто потягивается либидо, подкуривает и передает сигарету вагине.

«Да-а...» – ты довольно затягивается.

«А я все-таки рассчитывала, что он хотя бы возьмет номер телефона... предложит встретиться еще...», – хнычет сердце.

«Ой, да не ной ты», – отмахивается либидо. – «Вечно западаешь на первого встречного».

«Точно «первый». Отдаю ему золотую медаль в жизненной эстафете встречных. Это был лучший и самый внушительный подарок за всю нашу взрослую жизнь, меня до сих пор распирает», – хихикает вагина.

«Пошлячка», – ржет либидо.

«А если он сбежал и украл что-то?!» – на секунду появляется тревожность.

«Угу. Венец безтраханья» – не может удержаться от тупых шуток либидо.

«А можно не быть такими дурами? – фыркает мозг, – Надо проанализировать: почему не взял номер, почему не предложил встретиться. Что было хорошо, что плохо и...»

«Слушай мозг, иди выпей и отдохни, а? Вот что ты начинаешь? Тебе что, не понравилось? Серотонин был? Был. Дофамин был? Был. Вот и не выпендривайся со своими рассуждениями», – затыкает его либидо и...

И я просто откидываюсь на подушки, довольно закрывая глаза. Шикаю на разбушевавшиеся органы – или что там внутри меня разговаривает? – чтобы не мешали мне наслаждаться звенящей пустотой в голове и саднящей тяжестью между ног.

Демида и правда нет. Не шумит душ, не валяются его вещи, и спустя время никто не стучит в дверь номера с двумя стаканчиками кофе... Жалко? Скорее, да. Буду ли я убиваться по этому поводу? Скорее, нет. Ураган, захвативший нас этой ночью и перенесший в Волшебную страну с пометкой 18+ улегся и наступил новый, самый обычный день.

«Мог бы хотя бы не украдкой уйти...» – екает что-то в груди.

– Цыц! – говорю достаточно громко.

Времени я не знаю – мобильник валяется где-то – но судя по дикому голоду и тому, что я чувствую себя выпавшейся, поздно. И завтрак с шампанским от отеля мне уже не грозит. Но у меня еще день, чтобы насладиться Северной столицей... уж точно не стоит валяться в кровати голодной и несчастной. В свои прекрасные полные тридцать!

Я решительно скидываю одеяло, в которое до этого куталась, так что с прикроватного столика едва не летит какая-то мелочевка, и не менее решительно направляюсь в душ.

Ночью мы у этой стенки...

Блин.

Может номер сменить?

А то выглядит он как галерея с мысленными и вполне реальными отпечатками тел.

Смеюсь сама с себя, моюсь, убеждаюсь, что самые главные улики в виде использованных презервативов и наручников хотя бы не раскиданы на виду и только потом включаю на зарядку севший телефон.

Миллион сообщений в нашем с девчонками чате. Причем, судя по количеству и эпитетам, напились они сильнее, чем я. И потому особых впечатлений от меня не требовали: сами поговорили хорошо, без моего участия. Поток иссяк примерно в шесть утра: сомневаюсь, что возобновится раньше, чем вечером.

Несколько рабочих вопросов – даже открывать не буду. Все в понедельник.

Поздравления от близких и дальних, кто не успел вчера поздравить лично или поздно спохватился, прочитав уведомление ВК.

Трогательные фото от дочери...

Я ей отправляю сотню поцелуйчиков, аудио, что у меня все хорошо, сейчас пойду на экскурсии – и обязательно сделаю прикольные фотографии – и убираю телефон подальше. Одеваюсь: в Питере кроме горячих мужчин и вкусного шампанского есть еще отличные заведения и пара выставок, которые мне интересно посетить...

Посыльный застает меня у порога.

С улыбкой протягивает красивенький букетище с пионами, к которому прикреплена карточка с одним единственным словом: «Роскошной».

Я не позволяю себе больше даже укола сожаления или печали. Красиво он поставил точку. Зарываюсь лицом в нежные лепестки, ставлю букет рядом с первым – придется так и ехать на поезде с цветами, не оставишь же здесь – а карточку вкладываю в кошелек.

Как напоминание, что я действительно роскошна.

А я тут перед вами, кривляюсь и танцую

– ...каждый зал был неподражаем. Знаете, насколько необычные чувства я поймала? Когда ты будто шагаешь фантастическим порталом из одного мира в другой. Совершенно потерялась в этом музее на несколько часов, забыла кто я, что я, откуда я... О своей самой обычной работе и жизни...

– Ника, так ты открыла ему дверь или нет?! – хнычет Оленька.

Но я – кремень.

Не прекращая меланхолично помешивать коктейль говорю самым что ни на есть мечтательным голосом:

– А Спас на Крови? Сколько бы я ни была там – всегда хочется вернуться. Но я поняла – по факту раньше я не видела там ни-че-го. Смотрела, но не видела. Да, для меня и прежде было красиво, интересно, местами приятно... Но испытывала ли я настоящий восторг от мастерства создателей? Хотелось ли мне рассмотреть каждый кусочек мозаики? Нет.

– У тебя ни стыда, ни совести! Зачем ты так нас мучаешь?! – ноет Мариша.

– А потом – восхитительный ужин. И завтрак с шампанским. Когда смакуешь каждый кусочек – и еще долго чувствуешь невероятное послевкусие. Я готова присвоить Петербургу звание не только культурной, но и гастрономической столицы!

– Знаешь, Ника, это так жестоко и изощренно, что даже я бы так не смогла! – рычит Натали, хлопая ладонью по столу.

Я перевожу взгляд на своих подруг, которые уже полчаса сидят передо мной с глазами котика из Шрека и прихожу к выводу, что мстя удалась.

Конечно они не про красоты Питера хотели услышать, когда слезно выпросили встречу.

Конечно я не могла оставить без наказания за их самоуправство и подарок, который, кажется, перевернул мою жизнь с ног на голову... ну или во многом изменил взгляд на нее. Перевернуть жизнь тридцатилетней женщины, которая уже и так много что поняла, решила и напланировала сложно.

В общем, я игнорировала и призывы в чате и звонки. «Под давлением» согласилась встретиться и поделиться подробностями в любимом нашем ресторанчике. И делилась так, как считала нужным.

Чтобы они до конца прочувствовали, насколько я возмущена их поступком.

Хотя...

– Ладно, – смеюсь, прекращая играть в обиженку, – Больше не буду. Обещаю рассказать все. Но без подробностей... А то это будет похоже на порно-рассказ.

– О-оо! – округляет глаза и рот Марина.

– Все, самое главное мы узнали – ты открыла и все получилось! – хихикает Оля.

– Нифига мы не узнали, хочу знать больше! – Наташка все не может успокоиться и продолжает рычать, – Как это было?!

– Как я вам только что описывала...

– Ника! Убью!

– Правда! – улыбаюсь, – Просто вы примените те эпитеты, которыми я описывала достопримечательности, к мужчине... Так все и было.

До них доходит спустя минуту.

А потом все трое растекаются по креслам с довольными улыбками.

– Вот хорошо тебе, а счастлива я, – Оля салютует бокалом.

– Я ведь не верила в успех этого, – удивленно качает головой Марина.

– Поставлю пять звездочек этому парню на сайте! – хлопает в ладоши Натали, – Не ожидала...

Ну уж нет.

Не хочу, чтобы тот смазливый получил чужие звездочки!

– Вообще-то не стоит ему ничего ставить, – вздыхаю и подаюсь вперед. – Все случилось совсем не так. Но обещайте не ржать...

Конечно, они обещают.

Конечно, обещание выполнить не могут.

Следующий час мы давимся смехом, который иногда таки прорывается, пугая соседние столики. Я не делюсь совсем уж интимными подробностями – слишком личное – но внезапно обнаруживаю в себе талант стендапера. Потому всю курьезность ситуации, которая произошла в питерском отеле, описываю так, что подруги периодически сползают под стол.

Пару раз я ловлю себя на мысли, что за чрезмерной веселостью и легкостью, с которыми я стараюсь преподнести ночь с "доктором по вызову", скрывается на самом деле другое.

Грусть, что все так внезапно началось и закончилось.

Голод. Потому что мне очень понравилось...

Тревога. После расставания с Полинкиным отцом я ведь впала в спячку и почти полностью исключила эту сторону жизни – мужчин, свидания, флирт, секс. Была уверена, что у меня на это ни сил, ни желания нет. А когда оказалось, что есть... стало тревожно.

Внутри теперь что-то екает – не только от воспоминаний, но и от понимания, что мне, оказывается, все это нужно.

Мужчина, флирт, секс, свидания.

И страх.

Вдруг не получится с другими как с Демидом?

– Ника, ты точно все рассказала? – спрашивает Натали, когда мы едем в такси. Нам в одну сторону, потому сидим на заднем сиденьи вдвоем и легкомысленно болтаем.

Хотя уже не легкомысленно, судя по ее тону.

– Ты о чем? – удивленно поднимаю бровь. Хотя знаю, о чем. Она всегда была самой проницательной. Потому тут же продолжаю, – Не бери в голову. Все это было внезапной яркой вспышкой. Конечно она оставила след и заставила о многом задуматься. Но повода для переживаний нет.

– А тебе не хотелось... Ну, взять его телефон?

– У меня все время рот был занят, – отшучиваюсь тихонько, чтобы таксист не услышал, – Нат, как получилось так получилось. Я главное поняла – может я и не готова к серьезным отношениям, но я однозначно зря игнорировала эту часть жизни. И теперь хочу попробовать... встретить кого-то подходящего. Так что твоя идея сработала отлично.

– У тебя все получится! – душит меня обнимашками подруга.

И в тот момент я тоже в это верю.

На лабутенах, нах...

– У меня ни хрена не получается, – сердито буркаю и не менее сердито бросаю сумку с папками на соседний стул. И уже под столом скидываю туфли, с удовольствием разминая скукоженные пальцы.

Вот вроде каблук всего шесть сантиметров и прошлась недалеко – а судорогой сводит.

Отвратительно... отвратительно неудобно ступить снова на тропу войны, то есть отношений, и носить каблуки, укладывать с утра голову, краситься... Как это совместить с работой-учебой-школой-кружками, а? Я и так встаю уже на час раньше.

– Что в этот раз пошло не так? – участливо спрашивает Ольга. Мы с ней вдвоем. У Натали форс-мажор, Маринка слегла с каким-то вирусом – всегда знала, что такой яркий ЗОЖ ослабляет организм, откуда ему спирт брать, чтобы убивать микробов? Так что сегодня малым составом. И я этому рада. Не будет нотаций и псевдо-задорных предложений, можно просто понять.

– С Яриком этим мы неделю пытались встретиться. Два занятых человека в большом городе. Я уже готова была обменяться данными по графику сна и адресами Полинкиных кружков... но нашлись таки в кофейне неподалеку от моей работы в обеденный перерыв.

– И... – поторапливает меня Оля.

– И ничего. – бурчу, – Я бы даже сказала ничего хорошего! Я ж нормально выгляжу сегодня, верно?

– И всегда, – успокаивающе похлопывает меня Оленька по руке, – Ты вообще из тех, про кого можно сказать «роскошная блондинка».

– Вот! – наставительно выставляю палец. Реагирует правда на это официант. Но тоже неплохо – принимает заказ на салат и бокал игристого, – Костюм на мне, как видишь, не старомодный, туфли, укладка, помада... И вот мы встречаемся у входа. И он меня так осматривает, будто не уверен, достаточно ли я хороша, чтобы сидеть с ним за одним столом. В кофейне! Даже не в ресторане, блин! Затем делает вскользь замечание моим манерам – что на губе остался молочный след. Дальше рассказывает с каким трудом пробился к именитому стилисту по волосам – и он может посодействовать, чтобы и я туда попала. То есть намекает на мою прическу...

– Отличная прическа!

– На прическу, манеру, одежду... – продолжаю нудеть, – А я сижу и не понимаю, почему блин это все вдруг стало значимо, когда мне просто нужен человек, с которым можно посмеяться, выпить вина под сериал и классно потрахаться?

– Да он просто придурок какой-то! – солидарно кивает подруга.

– Может и придурок... Но я понять не могу – как одному хочется меня даже в пижаме, с красной от клубники мордой и блеющей ерунду, а второму я не угодила почти при полном параде?

– Ника...

– Что?

– А ты заметила, что опять сравниваешь с Демидом?

– Что значит «опять»? – ощетиниваюсь моментально. – Я всего лишь рассказываю, насколько важен открытый непредвзятый взгляд!

– Хм, а пару свиданий назад ты всего лишь рассказывала, насколько важно следить за мужским здоровьем? Ну, когда описывала...

– Я помню! – рывкаю.

– А после самого первого мы всего лишь обсуждали... ну, пусть будет "прямое влияние наличия чувства юмора у мужчины на возможности человечества размножаться"?

Чувствую аж неприятный холодок по спине.

И спрашиваю у подруги совершенно несчастно:

– Оль... это все? Диагноз? Я ведь и правда так делаю... Даже не замечала. Просто когда один раз поржешь с кем-то в самом неуместном, казалось бы, случае, начинает казаться, что это и есть норма, а не наоборот. Не скучное неловкое выдавливание из себя общих фраз. И что когда у мужика стоит от одного вашего поцелуя – тоже норма. И... Я обречена?

– На что? – поперхивается.

– На медленное угасание от демидовируса, – буркаю сердито.

– Ни-ика, – смеется, – Ты просто... ну ты как бы все время смотришь по вертикали. Типа твой бывший – минус десять, вот этот со своим юмором на четверочку, по сравнению с тем же Демидом, а вот у этого потенция выше двойки не поднялась. А надо по горизонтали.

– Вот сейчас совсем не поняла, – хмурюсь.

– Не надо сравнивать кареглазых по степени их кареглазости! Обрати внимание, что есть в природе еще голубые, зеленые, серые глаза. Просто если ты сосредоточена на сравнении, насколько определенное качество у кого проявляется, то перестаешь замечать, что есть и другие качества. Также важные и может определяющие.

– А теперь, кажется, поняла, – сообщаю несколько тормознуто.

– Вот и дерзай, – хихикает Олька, – Или уже найди этого своего Демида. Может выяснится, что не такой уж он эталон.

И в офигительных штанах

– Познакомьтесь, это Вероника Васильевна. Именно она будет вести вашу компанию, – Сан Палыч представляет меня дородному и уже почти облысевшему мужику и довольно скалится. Мужик скалится в ответ.

Я не отстаю в демонстрации собственной улыбки.

Не могу сказать, что мне приятно знакомство с Виктором Дмитриевичем, который за ту минуту, что я стою рядом, успел не только стиснуть мои пальцы потной ладонью, но и облапать зрительно, попытаться еще и приобнять. Но это работа.

Я работаю с клиентами.

Я улыбаюсь клиентам.

Я хожу на мероприятия клиентов – в том числе будущих, как Виктор Дмитриевич, или потенциальных. Если Сан Палыч, мое бессменное начальство, зовет с собой, конечно.

Я не хамлю и не сбегая, даже если мне не слишком нравится поведение клиента. Осадить могу. В вопиющем случае. Но такой был за время моей работы только один раз. Все прочие разы удавалось извернуться. Чучелом или тушкой, флиртом или холодным тоном – человеческий фактор вещь такая... Обеспечивает аптеку возле дома стабильным доходом в части магния и ноотропов. Но плотоядные взгляды – ерунда.

Наша компания предоставляет разные услуги. Юридическое, бухгалтерское, методолгическое сопровождение для тех, кому выгодней это отдать на аутсорсинг, чем держать армию специалистов в штате. Я занимаюсь кадровыми вопросами. И новая, пусть и небольшая, клиника – довольно жирная рыбка, о которой мое начальство весьма печется.

Потому мы здесь. Хотя мне вот больше хочется домой к Полинке и ванне с пеной, чем стоять на шпильках в брюках и не совсем свежей блузе, которую я приукрасила брошью. Восхищаться структурой и идейными задумками генерального директора, по совместительству главного врача.

Интересно, он отдает отчет, когда говорит сомнительные комплименты, что спустя неделю я буду знать о нем больше, чем его жена?

Профессиональный путь от ясельной группы детского сада, условия контракта и размер кабинета.

– Уверен, мы сработаемся, – дергает бровями Виктор. Наверное хочет многозначительно – но получается просто забавно, – И у нас, кстати, есть бонус для всех наших партнеров.

– Это какой? – заинтересовывается Сан Палыч.

– Возможность пользоваться нашими услугами существенной скидкой. А это и стоматология, и диагностика, и...

Сан Палыч что-то возбужденно уточняет, но только я в этот момент отключаюсь от происходящего полностью. Потому что буквально в нескольких метрах от себя вижу Демида.

Того самого Демида, который может оказаться не эталоном... но блин, продолжает выглядеть как эталон!

Его прическа, выражение лица, костюм именно такие, как я их запомнила... И улыбка, вспыхнувшая в ответ на реплику брюнетки рядом, тоже.

Если бы он ей не улыбнулся, я может не сразу бы заметила.

Настолько я ослеплена и ошеломлена его появлением.

А брюнетка ничего так... подстать. Идеально сидящее на идеальной фигуре идеально-красное платье. Стильное каре, лаковая светлая кожа, брови взлет... И грудной приятный голос. Я его не слышу – представляю себе, потому что ее губы шевелятся, рука ложится на его предплечье, чуть сжимая – идеальный маникюр, кстати – а Деמיד в это время наклоняется, чтобы стать еще ближе...

И встречается взглядом со мной, жадно его разглядывающей.

И тут же одна его брось удивленно ползет вверх.

Не знаю, почему, но я веду себя как дурочка при этом. То есть вместо того, чтобы обозначить легким кивком и улыбкой, что узнала его, вспыхиваю, отворачиваюсь и с преувеличенным вниманием начинаю слушать беседу двух мужчин.

Идиотка.

Чего я так реагирую?

Что было в Питере – остается в Питере.

Он не захотел продолжить общение, так его право. Искать его не стала, навязываться тоже – хотя теоретически я могла узнать, что за конференция проходила в отеле, а потом и помучить Гугл. Но решила, что это глупость: надо было или сразу – или никогда. А сейчас надо было или сделать вид, что он мне не знаком или что я также легко отношусь к ситуации, как и он. Типа было и было.

Тем более он со спутницей.

Тем более...

– Добрый вечер, – раздается знакомый глубокий голос рядом с нами, а я чуть не падаю в обморок от волнения. Либи́до же и вагина, который вели себя тише воды все прошлые недели, наоборот, внезапно просыпаются и орут в две глотки:

«Уи-и».

«Почему он подошел? К нам?!» – обмирает от счастья сердце.

«Как мы выглядим?» – подается вперед грудь.

Ужас какой-то.

Я рядом с Демидом деградирую. Начинаю разговаривать не теми губами и вести себя как малолетка.

– О, Демид Олегович, – неожиданно реагирует Виктор и поворачивается к нам, – Познакомьтесь. Это Демид, наш старший пластический хирург в отделении пластики. А это представители компании «Консалт-плюс», они будут вести часть наших дел. Александр Павлович и Вероника...

Пластический хирург.

Все.

Все плохо.

Потому что представляю теперь, какая у него жизнь. В окружении идеальных красоток, которых ты сам же себе и сделал. Таких, как та брюнетка в красном.

– А с Вероникой мы знакомы, – со спокойной небрежностью комментирует Демид, – Пересекались как-то... в общей компании.

Угу.

В общей компании проститута?!

Я уже ненавижу его за легкость и небрежность, с которой он это говорит. В то время как у меня отключается мозг, трясутся колени и захлебывается вагина – не только восторгом.

– Да? – синхронно удивляются собеседники. И Сан Палыч добавляет, – Значит вы сработаетесь.

– Как раз я хочу познакомить еще кое с кем вас... – уводит начальство главврач, оставляя нас с Демидом наедине.

А-аа! Великая Натали, призываю твой дух немедленно!

Как сделать вид, что он просто мое приятное приключение? Не показать, что эталон, о котором я все время думала и на который тайно обижалась, что не продолжил наше знакомство?!

Там было телок много – и нервы как канат

Демид

– Не ожидала тебя здесь встретить, – говорит Ника самым что ни на есть отстраненным голосом, и даже отворачивается. Взять у проходящего мимо официанта шампанского. До этого я у нее в руках никаких напитков не видел... Может и не смотрел? Больше привлекали ее удивленные глаза, рот, который я до сих пор хорошо помню и высокие вершинки груди под тонкой блузкой.

Злюсь.

Я зачем опять этим путем пошел? Все же ясно было.

– Ты так вглядываешься в него, будто переживаешь, что фигню налили, – показываю глазами на шампанское, – Не переживай, у клиники хватает средств угощать на свое открытие не газировкой со спиртом.

Угукает, стискивает ножку и залпом выпивает половину.

Я что, совсем ей не интересен, что даже посмотреть на меня не может и ответить нормально? Как ни странно, это задевает. Я не привык, чтобы женщины так ко мне относились. Равнодушных точно не было. Не из тех, с кем я провел время.

– У меня прям дежавю, – тяну насмешливо, – Ты, я, шампанское...

И вот тут Верониика поперхивается и впервые поднимает на меня взгляд. И шипит напряженно:

– Тише. Может не будешь так явно демонстрировать обстоятельства нашего знакомства? Нам работать вместе... точнее, будем пересекаться.

– Ты стесняешься? – не знаю, чего больше во мне. Раздражения или удивления. – Да никому нет дела до этого. Взрослые люди. Или... тебе есть от кого скрываться?

Смотрю на ее пальцы – обручального кольца нет. Той ночью тоже не было... но это ничего не значит. Мне уже приходило в голову, что Ника замужем и потому не позвонила, но думать об этом было неприятно.

И если все действительно так...

– Я похожа на ту, которая ходит налево или со всеми подряд? – вдруг тоже раздражается. – У меня во рту и ниже не помойка!

Против воли вырывается смешок.

Ника... она как ляпнет чего. Никакой томной сдержанности или завуалированных словесных конструкций. Этим и понравилась.

И слова ее понравились сейчас. Значит не замужем и не связана ни с кем.

Вот только...

– Что же тогда ты так переживаешь за наше знакомство?

– Я не переживаю! – задирает нос, – Просто не считаю необходимым показывать, насколько оно было близким. Было и было.

– И осталось в Питере? – уточняю, чтобы окончательно уж расставить точки над и. Не то что бы я планировал навязываться... но цепляет, что не позвонила и не хочет продолжения. Постоянной любовницы у меня нет, и в целом я не против был бы, чтобы именно Ника...

– Да!

– Ладно. – Черт с ней и ее клубничными губами. Собираюсь уходить, – Может еще увидимся.

– Угу, – кривит рот, – И поторопился бы. Твоя девушка разве что копытом не бьет, что ты так долго со мной общаешься.

Я бы уже отошел, если бы не эти слова и что-то в ее тоне...

Хмурюсь и снова смотрю на блондиночку.

– Какая девушка? Я здесь один.

– Та брюнетка в красном.

– Моя клиентка, – пожимаю плечами.

– О, – реагирует на это Вероника.

– У меня таких много, – зачем-то сообщаю.

– И все брюнетки в красных платьях? – недоумеваю, а потом добавляю совсем уж странное, – То есть для того, чтобы задержаться рядом с тобой надо перекраситься и сделать губы и нос?

Добавляю и тут же кривится, как человек, который жалеет о сказанном.

А я уже совсем ничего не понимаю. Вероника ведет себя, будто я ее чем-то... обидел, что ли. Мне знакомы эти надутые губы и взгляд в сторону. Но... Почему?

Или она из тех женщин, кто сам выбрал, но потом за этот выбор отыгрываются на окружающих, будто те виноваты в сделанных глупостях?

Если бы она хотела продолжить знакомство – позвонила бы. Собственно, я на это и рассчитывал, когда оставлял свой номер.

Ника крепко спала, когда я уходил – пропустить поезд и встречу я не мог, как бы мне ни хотелось еще немного потискаться – не отреагировала ни на торможение, ни на щекотку.

Я тогда еще неуместную гордость ощутил, что так ее заездил.

Потому просто положил свою визитку на прикроватный столик, чтобы точно заметила, букетом озадачился – девочки их любят. Но не дождался никаких звонков и сообщений.

– А ты хочешь... задержаться? – уточняю осторожно.

Вздрагивает.

И рывкает, да так, что близстоящие, о которых она переживала, точно что-то слышат:

– Вряд ли со своим вторым размером я сумею распахать окружающих тебя красоток!

Рука-лицо.

Мне уже ни хрена не понятно, но почему-то весело.

– Нормально у тебя все с размером, – пытаюсь утихомирить разбушевавшуюся фурию.

– Да? – хотя бы понижает голос, – Тогда чем тебя удивить? Третьей сиськи у меня не наблюдается, а все остальное я думаю ты столько раз видел что... впрочем, с твоей профессией ты может и третью грудь видел...

Замолкает.

Так и замираем, глядя друг на друга. Она – с показным высокомерием. Как человек, который только что наговорил всякой херни, но в жизни в этом не признается.

Я...

А у меня, блин, встает.

Это вообще нормально, что меня возбуждают чье-то чувство юмора?

Но я не недотрога

– Ты в курсе, что это харассмент? – задыхаюсь под его поцелуями. Демид целует хаотично – в губы, щеки, шею, прикусывает мочку уха – и я громко стону.

– Неа, – шепчет со смешком куда-то в ключицу, – Если бы я был старым и страшным, был бы харассмент. А так...

Он прерывается в болтовне. Надолго. Потому что хоть у меня грудь и не четвертого размера, там есть что облизать.

Выгибаюсь и хнычу от затопившего возбуждения.

– И вообще, я не твое начальство, значит не харассмент, – бормочет, дергая пуговицы на блузке и добираясь до сосков через жесткое кружево.

– Ты мой клиент!

– Не я, а клиника. Ну даже если я... моей клиенткой ты уже была, так что теперь моя очередь.

Замираем.

Смотрим друг на друга. Смеемся. Да что там, откровенно ржем. Глаза Демиды довольно блестят, зрачки расширены, грудь вздымается. Это все я... это все из-за меня?!

Ух ты...

«Нет, это из-за меня», – не может не вставить свое слово вагина.

«Он до тебя даже не добрался, так что не воображай» – самодовольно, но задыхаясь шепчут соски.

«Вообще-то нас потащили в эту кладовку еще когда никто ничего не трогал и не видел», – шипит мозг.

«Зато по-омнил» – захлебывается восторгом вагина, потому что в этот момент Демид отрывается от моей груди. Впивается снова в губы, пришпиливая бедрами так, что еще немного усилий – и его член протаранит несколько слоев ткани в самом правильном месте.

И мы с ним снова синхронно стонем.

«Все. Я пошел», – вздыхает мозг, но останавливается на пороге, жадно вслушиваясь в бормотание мужчины.

– Я бы трахнул тебя прямо здесь, Ника. Несмотря на толпу за дверями. Но, во-первых, у меня нет с собой резинок. А во-вторых я хочу тебя трахать долго и много, и для этого нам нужно другое место...

«Нет резинок – не носит с собой... не блядун... И хочет много, а не вот так... Мой герой», – восторженно пищит сердце.

«Нет-нет-нет! Надо ловить момент! Если не сейчас – то фиг знает, когда мы с ним встретимся! У нас ребенок! Нам домой скоро надо!» – хнычет либидо.

«А он мне начинает даже нравиться», – тянет мозг.

– Это очень разумно, – выдавливаю из себя, задыхаясь. – Потому что у меня тоже нет резинок. Зато есть начальство, которое может уже меня искать.

«А еще есть я, – раздраженно добавляет женская гордость, – Но последние полчаса вы все меня просто не слышите. Неужели забыли, что он даже не попытался продолжить общение после первой ночи? Никто не сомневается, что он хочет секса... Но вы что, опять собрались предоставить его на безвозмездной основе, а потом спокойно наблюдать, как он сваливает в закат? То есть Демид может появляться, когда хочет, брать, что хочет и исчезать?»

И все стыдливо замолкают.

– М-мм, но ты такая... – продолжает мурлыкать мужчина, покусывая мне шею, – Оторваться невозможно, так бы и сожрал.

– Ты уже откусил достаточно, можно и остановиться, – получается как-то холодновато на контрасте. Потому что я взяла себя в руки.

Демид аж отстраняется.

В кладовке в глубине холла клиники, где, похоже, будут храниться всякие необходимые для персонала штуковины, полумрак. Но как раздраженно начали мерцать его глаза я вижу.

– Тебе не понравилось? Сказала так, будто я тебя принуждаю к чему-то. Силой сюда не затаскивал ведь.

Силой не затаскивал, конечно.

Но та-ак на меня посмотрел, когда я про третью сиську неуместно пошутила... что когда заявил «Знаешь, я хочу тебе кое-что сказать, давай отойдем» я сама пошла. Привязанная. И в кладовку сама зашла. На дрожащих ногах.

И потом естественно не спрашивала, что он там сказать хочет...

Накрыло нас с порога.

– Это было временное помешательство.

– Которое не надо продолжать? – спрашивает с каким-то напряжением.

– Можно подумать ты тот, с кем возможно продолжение! – вспыхивает раздражение.

Вот чего я так все время себя веду с ним? Как не умеющий себя контролировать подросток?

Я же взрослая женщина, я в состоянии держать лицо, говорить разумные вещи, не орать, не вскипать по малейшему поводу, не раздвигать ноги, стоит кому-то поманить меня за угол...

Что у него за талант бесить, пугать и заставлять желать одновременно?

– А. То есть для продолжения я не подхожу, – делает какой-то странный вывод Демид и сообщает его еще более холодным тоном, чем был у меня.

Он в смысле еще и оскорбился?!

Это как надо так извратить ситуацию!

Да пошел он! Даже не собираюсь показывать, насколько это обидно!

– А с чего тебе подходить? – шиплю самым насмешливым и стервозным голосом, – Красивое тело, умелый язык и крепкий член... Разве я не получила от тебя уже все, что возможно?

А ты – все что надо было тебе.

Хнык-хнык.

Мой приемник – односторонняя связь, тире и точки – арабская вязь

Демид

Если у меня рядом с Вероникой отключаются мозги – точнее, перетекают в область гораздо ниже, то у нее, похоже, мозга никогда и не было.

Иначе чем объяснить такие... оскорбления? Меня опустили до уровня того, вызванного Демида. Или у нее в блондинистой бестолковке все смешалось? Как она тогда работать собралась с таким софтом?

Я не позволю так с собой разговаривать никому. Была бы мужиком – уже получила бы. А от Вероники я просто собираюсь уйти. Но...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.